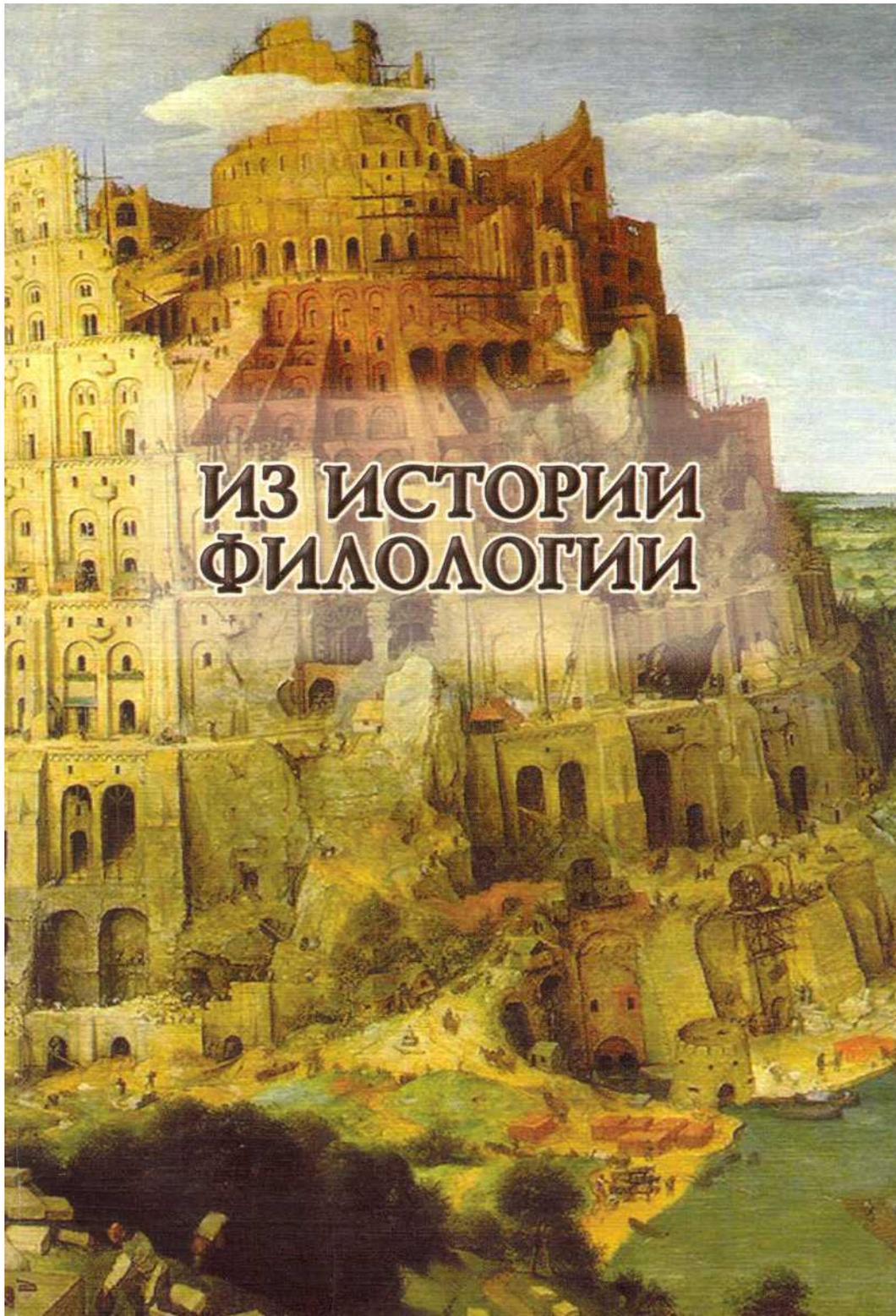

Источник: Соколянский М. Г. Основные тенденции в отечественном шекспироведении 1960–80-х гг. / Из истории филологии: Сборник статей и материалов: К 85-летию Г. В. Краснова. Коломна: КГПИ, 2006. – 304 с. С. 72–83.

© БД «Русский Шекспир», 2008.

*К 85-летию
Георгия Васильевича
Краснова*

© БД «Русский Шекспир», 2008.

Коломенский государственный
педагогический институт

ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОЛОГИИ

Сборник статей и материалов

к 85-летию Г. В. Краснова

Коломна
2006

© БД «Русский Шекспир», 2008.

УДК 8.07 (09) (082)
ББК 80 г я43

Редактор-составитель В.А. Викторovich

И 32 Из истории филологии: Сборник статей и материалов: К 85-летию Г.В. Краснова. Коломна: КГПИ, 2006. – 304 с.

Сборник, подготовленный исследователями Коломны, Москвы, Петербурга, Твери, Нижнего Новгорода, Саранска, Ярославля, ближнего и дальнего зарубежья, раскрывает некоторые страницы истории литературоведения в России XX века, жизни и деятельности известных ученых. В сборник включены также архивные публикации, мемуары, переписка. Издание посвящено юбилею профессора Коломенского пединститута Георгия Васильевича Краснова.

*Издание выходит при финансовой поддержке
учеников Г.В. Краснова:*

Михаила Яковлевича Арензона,
главного редактора издательского дома «Ять»;

Игоря Валерьевича Шах-Назарова,
директора рекламно-полиграфического центра «Тираж»

©Коломенский государственный
педагогический институт,
составление, 2006
© Авторы статей, 2006

ISBN 5-900307-98-0

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

За последние пять лет Георгий Васильевич Краснов (далее сокращенно – Г.В.) издал четыре книги, отражающие его главные научные интересы: «Сюжеты русской классической литературы» (2001), «Н.А. Некрасов в кругу современников» (2002), «Болдино. Пушкинские сюжеты» (2004), «Этюды о Льве Толстом» (2005). Некоторые предварительные итоги: обновленная терминология («сюжетная ситуация» и др.), уточненные и осмысленные факты русской литературной жизни XIX (в основном) века, важные текстологические коррективы, прокомментированные стихотворные и прозаические произведения (среди них «Война и мир»), введенные в оборот мемуарные и другие документы.

В так называемом советском литературоведении были «бойцы идеологического фронта» и были «труженики тыла». Эти последние, кто больше, кто меньше, по камушку, «по словечку» (так называлась одна из замечательных статей Г.В. о Некрасове) складывали фундамент, без которого не стоят никакие самые замечательные строения.

Кстати насчет строения. В это еще не ушедшее от нас время рост ученого привычно измерялся отрезком от кандидатской к докторской (бывали, правда, гордецы, отвергнувшие общую мерку). Кандидатскую диссертацию Г.В. защитил в 1949 г. по «Севастопольским рассказам», а докторскую в 1966 г. – о Льве Толстом в контексте русской литературы XIX века. Между этими вехами являлись исследователю и другие «герои» – Добролюбов, Чернышевский, Короленко, Горький... Структурообразующим (точнее, жизнеобразующим), кроме Толстого, стал все же Некрасов, чуть позже – Пушкин. В случае органического, т. е. не конъюнктурного научного труда бывает трудно определить, кто кого выбирает: исследователь интересующую его тему или тема – подходящего для себя исследователя, так взаимно нужны они оказываются друг другу. Основная тема, которую занялся Г.В., определялась послевоенными веяниями и выражалась категорией «народность». Высшей формой ее, по канону соцреализма, признавалась «партийность», но вот что любопытно: родственные в соцреалистической теории, эти категории конфликтовали в реальной научной практике. Одна притягивала к себе «просто учеников», а другая – «лучших учеников», по градации шварцевского Дракона.

Статья Г.В. «Изображение народной жизни в поэме Некрасова "Кому на Руси жить хорошо"» (1958) в нераздельности народного хора открыла неслиянность отдельных голосов (идея многоголосия самой поэзии Некрасова в том же 1958 г. была провозглашена в известной статье Б.О. Кормана). Школа «Севастопольских рассказов» и школа Великой Отечественной войны формировали новый склад мышления, далекий от идеологического монологизма.

Многоголосие не только тема Г.В. или даже лейтмотив (см. его книгу о Толстом «Герой и народ» 1964 г.), оно – качество научного стиля, отрицавшего всем существом своим наличие единственно верного учения. В научных работах Г.В. не ощущается стремления (почти маниакального у нынешних «концептуалистов») закрыть тему. Напротив, исследователя влекут новые горизонты, ему самому не ясные, только брезжащие дали. Не потому ли у Г.В. так много учеников, не столько научных, сколько вовлеченных им в бесконечный процесс познания?

Сегодня принято жаловаться на «эпистемологическую неуверенность», переживаемую гуманитарными науками. Это понятно, когда ушла одна догма, а на ее месте еще не утвердилась окончательно другая. По работам Г.В. не видно, чтобы он испытывал от этого какой-то дискомфорт. Принципиальный адогматизм позволяет ему сегодня перепечатывать старые работы, не вычеркивая оттуда Радищева, Добролюбова, Чернышевского, Ленина... Как тогда, так и теперь ученый идет от реальной истории («какой ее нам Бог дал», по слову Пушкина), от реального художественного текста, не укладывая их в прокрустово ложе догматической конструкции.

Не только последняя книга Г.В., но и подавляющее большинство его работ – этюды, в которых живет ощущение незавершенности, открытости бытия, жизненного и художественного. Отсюда уважение к самой истории, в том числе к истории филологии, свидетельство чему мемуарно-историографические концовки четырех названных выше книг. Что особенно ценно в современной «сюжетной ситуации», когда филология настойчиво стремится осмыслить самое себя, а значит, и свое давнее и недавнее прошлое.

Ред.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ШЕКСПИРОВЕДЕНИИ 1960 – 80-х гг.

Хотя интерес русской критики к Шекспиру возник еще в середине XVIII в., академическое шекспироведение (в строгом смысле) оформилось лишь в конце XIX в. и насчитывает немногим более чем столетнюю историю. Эта история еще не написана, но в начале нового тысячелетия уместно обозреть в ретроспективе ее основные стадии. В рамках новейшего периода русской культурной истории одной из таких стадий явились 1960 – 80-е гг.

Начало этого периода относится ко времени так называемой *Оттепели* (1954 – 1964), а закончился он с распадом СССР на пороге 1990-х гг. Стало быть, эта стадия представляет особый интерес, ибо ее можно считать заключительной в развитии советского шекспироведения. (Слово «советский» употребляется здесь в сугубо условном, историческом смысле, без всякой оценочности).

Самая ранняя фаза изучения Шекспира в советское время (1920 – 30-е гг.) была, как известно, отмечена господством вульгарно-социологического метода в литературоведении и искусствознании. Даже самые видные исследователи не смогли избежать воздействия официальной методологии¹. В конце 1930-х гг. прозвучали первые, робкие попытки протеста против диктата вульгарного социологизма в изучении Шекспира, тем не менее и в первое послевоенное десятилетие (1945 – 1955) в советском шекспироведении еще превалировало упрощенное истолкование творчества великого поэта и драматурга.

После смерти Сталина наступил период т.н. *Оттепели*, когда наметилось определенное оживление интеллектуальной и духовной жизни в стране. Изменения, проявившиеся в области культуры в целом, коснулись и шекспирологии.

¹ См., напр.: *Смирнов А.А.* Творчество Шекспира. Л., 1934.

Появились новые издания произведений Шекспира, новые переводы, небезынтересные театральные постановки, критические интерпретации и т.д. В 1957 – 60 гг. было выпущено полное собрание сочинений британского классика в 8 томах, к которому поныне обращаются и шекспироведы, и деятели искусств, и просто читатели.

Традиционные для советского времени попытки литературоведов и критиков использовать имя и творчество Шекспира в агитпроповских целях становились более редкими. Изданный Всероссийским Театральным Обществом в конце 1950-х гг. «Шекспировский сборник. 1958»² существенно отличался от предыдущих собраний шекспироведческих трудов советского времени основательностью и оригинальностью исследовательских подходов.

Поиски новых путей интерпретации Шекспира наметились также в материалах, публиковавшихся в некоторых литературных и театральных журналах. В качестве примера можно вспомнить очерк А. Аникста «Лев Толстой – ниспровергатель Шекспира»³, появившийся в год, когда отмечалось пятидесятилетие со времени кончины автора «Войны и мира». Один из наиболее спорных вопросов истории восприятия и истолкования Шекспира рассматривался здесь без скидок на идеологические установки советского времени; акцент делался на конструктивный компонент, содержащийся в толстовской критике творчества британского драматурга. Хотя очерк Аникста и был подвергнут разносторонней критике в официальной прессе⁴, он способствовал оживлению интереса к сложным и в той или иной мере табуированным вопросам отечественной шекспирологии.

В начале 1960-х гг. в СССР развернулась подготовка к празднованию 400-летия со дня рождения Шекспира. Тогда

² Шекспировский сборник. 1958 /Под ред. А.А. Аникста и А.Л. Штейна. М., 1959; См. также: *Аникст А.* Новое в изучении Шекспира // Вопросы литературы. 1959. № 8. С. 178 – 192.

³ *Аникст А.* Лев Толстой – ниспровергатель Шекспира // Театр. 1960. № 11. С. 42-53.

⁴ *Астахов А.* Литературные забавы Александра Аникста // Литература и жизнь. 1960. 16 декабря.

появилось значительно больше, чем в предшествовавшие годы книг, диссертаций и статей о Шекспире. Среди них – посмертно изданная книга А.А. Смирнова⁵, новый сборник работ М.М. Морозова⁶, книги А.А. Аникста, И.Е. Верцмана, Р.М. Самарина, М.В. и Д.М. Урновых⁷ и других авторов, концептуальные очерки Н.Я. Берковского и Л.Е. Пинского⁸ и т.д. В 1964 г. шекспировские научные сборники были изданы в Москве, Ленинграде, Львове, Горьком. Все эти книги разнятся между собою по размеру и научной весомости, но в то время само их количество явилось в определенной степени качественным показателем.

Характерен том шекспироведческих исследований и материалов, выпущенный издательством «Наука» на старте юбилейного года. Предисловие к сборнику было написано Р. Самариним в очень традиционной для ортодоксального советского литературоведения манере и не было отмечено новизной мысли. Высшие достоинства Шекспира Самарин усматривал в его *реализме, народности* и пафосе *героического энтузиазма*⁹. Еще несколько очерков сборника были выдержаны в том же анахроничном духе. Однако рядом с ними можно было прочесть русские переводы оригинальной статьи видного болгарского ученого Марко Минкова о трагическом у Шекспира и интересные очерки о «Гамлете» британских шекспироведов Кеннета Мюра и Арнольда Кеттла. Публикация трудов зарубежных исследователей отражала новую тенденцию – тягу к более широкому ознакомлению с достижениями западной шекспирологии и прорыв через «железный занавес», воздвигну-

⁵ Смирнов А. Шекспир. Л.; М., 1963.

⁶ Морозов М. Статьи о Шекспире. Л.; М., 1964.

⁷ Аникст А. Творчество Шекспира М., 1963, е го же. Шекспир (ЖЗЛ). М., 1964; Верцман И. «Гамлет» Шекспира. М., 1964; Самарин Р. Реализм Шекспира. М., 1964; Урнов М., Урнов Д. Шекспир, его герой, его время. М., 1964.

⁸ Пинский Л. Трагическое у Шекспира // Пинский Л. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961. С. 250 – 296; Берковский Н. Трагедия Шекспира «Отелло» // Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962.

⁹ Самарин Р.М. Наша близость к Шекспиру // Вильям Шекспир. К четырехсотлетию со дня рождения. 1564 -1964. Исследования и материалы. М., 1964. С. 14 – 15.

тый в сталинское время между советской и западной наукой. Это явилось важной предпосылкой дальнейшего развития академического шекспироведения в стране.

Другим условием оживления шекспироведческих штудий стали реальные изменения в теоретической основе отечественного литературоведения и искусствознания. В начале 1960-х гг. возвратился в научный обиход этапный труд М.М. Бахтина о Достоевском и заново увидела свет его монография о Ф. Рабле, оказавшая большое воздействие на изучение проблемы комического и комедий у Шекспира. В тот же ряд должна быть поставлена уже упомянутая книга Л. Пинского. Затем, на протяжении 1960-х гг. двумя изданиями вышла книга видного психолога Л.С. Выготского «Психология искусства», были переизданы серьезнейшие труды классиков российского формализма Б.М. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова, В.Я. Проппа, П.Г. Богатырева и др. В 1960 – 70-х гг. появились многие работы Ю.М. Лотмана и его школы структурно-семиотических исследований литературы. Активизация теоретической мысли немало способствовала и продвижению советского шекспироведения в направлении к большему анализу.

К тому же стала скрупулезно изучаться история восприятия наследия британского драматурга в России за два века. Заметным явлением стал выход солидной книги «Шекспир и русская культура» под редакцией акад. М.П. Алексеева¹⁰, позднее за этим томом последовали другие содержательные труды самого М.П. Алексеева и его школы¹¹. Стараниями И.М. Левидовой и некоторых других библиографов стали более или менее регулярными выпуски томов русской шекспировской библиографии.

В 1970 – 80-е гг. многие достижения шестидесятых получили свое развитие, и шекспироведческая мысль в стране работала довольно активно. Книги А. Аникста, Л. Пинс-

¹⁰ Шекспир и русская культура / Под ред. акад. М.П. Алексеева. М.; Л., 1965.

¹¹ См., напр.: *Левин Ю.Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1989.

кого и других авторов, целый ряд диссертаций, представительная шекспировская конференция 1972 г. в Тбилиси, ежегодные (начиная с 1978 г.) всесоюзные шекспировские конференции в Москве, более или менее регулярные публикации «Шекспировских чтений» дают представление о широком и стабильном интересе исследователей и критиков к творчеству Шекспира. Этот интерес подкреплялся и усиливался театральными постановками и экранизациями произведений великого драматурга.

Оставляя без внимания тривиальные работы и официозные материалы, можно сделать попытку классификации всех оригинальных шекспироведческих трудов, появившихся в СССР в 1960 – 80-е гг. На мой взгляд, в этом множестве просматриваются три основные тенденции.

Первая из них представлена трудами наиболее авторитетного и продуктивного исследователя Шекспира в стране А.А. Аникста и его школы. Будучи автором шести книг и большого количества разножанровых работ о Шекспире, А. Аникст нередко декларировал свою приверженность марксистской методологии. Следует сказать, что он понимал марксизм широко, как модификацию социологического метода, без следов гегельянства Г. Лукача и классовых ограничений ленинского толка или вульгарно-социологических упрощений теоретиков пролеткульта.

Одной из важнейших заслуг А. Аникста было расширение теоретического основания и научного аппарата шекспироведения за счет введения туда значительного числа важных работ зарубежных литературоведов. С начала 1960-х гг. советское шекспироведение уже не могло опираться лишь на книги Н.И. Стороженко и его современников, а также на *малый джентльменский набор* немецких и английских трудов XIX в. Расширение и обогащение научного аппарата было свойственно не только трудам самого Аникста, но также статьям в сборниках, им редактированных, диссертациям, выполненным под его руководством, и т.д.

Доступ к всемирной шекспириане логично привел к расширению диапазона тематики работ. Сам А. Аникст создал лучший шекспировский *компендий* на русском языке («Твор-

чество Шекспира»), написал книги и статьи об отдельных пьесах британского драматурга и его сонетах, а также о театре шекспировского времени. Специальным интересом к театру продиктованы и многие рецензии Аникста на шекспировские спектакли и фильмы. Кроме того, ему принадлежат первые в русской науке основательные работы о жизни Шекспира, о проблеме авторства, текстологические студии и т.д. Эти работы принесли немалую пользу нескольким поколениям аспирантов и студентов, помогая им лучше понять широко обсуждаемые факты, отделив их от околошекспировской мифологии.

Монография А. Аникста «Шекспир. Ремесло драматурга» выделяется среди прочих его шекспироведческих работ постановкой проблемы. Это и до сих пор единственная книга в отечественном шекспироведении, полностью посвященная шекспировской драматургической *технике*. «Основываясь на исследованиях мировой шекспировской критики»¹², автор обрисовал основные структурные элементы пьес Шекспира.

В 1980-е гг. ученый опубликовал также несколько оригинальных статей о соотношении драм и поэзии Шекспира с различными художественными направлениями в искусстве того времени (ренессанс, маньеризм, барокко) и пришел к выводу, что «искусство Шекспира вобрало различные идейные и художественные тенденции его переходного времени и синтезировало их»¹³.

Введя советское шекспироведение в русло мировой науки и значительно расширив створ изучаемых проблем, А. Аникст и некоторые его ученики не останавливались перед сложностью ряда спорных и парадоксальных тем, включая наиболее острые вопросы биографии и авторства, классицистской интерпретации пьес британского драматурга, восприятия творчества Шекспира такими *бардоненавистниками*, как Вольтер, Лев Толстой или Бернард Шоу. Деятельность этой научной школы сделала невозможным

¹² Аникст А. Шекспир Ремесло драматурга. М., 1974. С. 600.

¹³ Аникст А. Шекспир и художественные направления его времени // Шекспировские чтения. 1984. М., 1986. С. 66.

возвращение отечественной шекспирологии на старые догматические, изоляционистские позиции 1920 – 50-х гг., и в том было важнейшее ее завоевание.

Вторая тенденция в шекспироведении 1960 – 80-х гг. представлена трудами особо самобытных и глубоких мыслителей. Она связана с процессом преодоления традиционного схематизма в полной мере, с реальной свободой от марксистских доктрин, с широкой философской ориентацией и близостью к течениям новейшей культурологии без слепого следования какому-либо одному из них. Несомненно, эта тенденция возникла не вдруг; она имела предшественников в отечественном шекспироведении более раннего периода (Лев Выготский¹⁴, Сигизмунд Кржижановский¹⁵, Георг Мери, Наум Берковский и некоторые другие), но, начиная с 1960-х гг., стала более очевидной и влиятельной.

Центральной фигурой этого направления следует признать Л.Е. Пинского (1906 – 1981). Сложившись как ученый еще в 1930-е гг., на рубеже 1940 – 50-х гг. он был во время печально известной кампании по борьбе с «безродными космополитами» изгнан с кафедры истории зарубежных литератур Московского университета, а затем репрессирован; пять лет провел в тюрьмах и лагерях. По освобождению не имел возможности трудиться ни в вузе, ни в научно-исследовательском институте, и потому не мог создать *школы*, несмотря на несомненную тягу к преподаванию. Однако собственные труды Пинского, подобно трудам его коллеги и частого собеседника М.М. Бахтина, оказали немалое влияние на многих литературоведов, равно как на некоторых режиссеров театра и кинематографа.

Хорошо известны три книги ученого: «Реализм эпохи Возрождения» (1961), «Шекспир. Основные начала драматургии» (1971) и посмертно изданный сборник его трудов

¹⁴ Имею в виду прежде всего два его очерка о «Гамлете» (*Выготский Л.С. Психология искусства*. Изд. 2-е. М., 1968. С. 209 – 246, 339 – 498).

¹⁵ Интерес к научному наследию С. Кржижановского резко возрос в новейший период, когда были опубликованы впервые или переизданы многие его произведения. См. также материалы симпозиума, проведенного в Даугавпилсе. Кржижановский. I / Под ред. Ф.П. Федорова. Даугавпилс, 2003.

«Магистральный сюжет» (1989), включающий в себя несколько статей о комедиях Шекспира. Название последней книги было выбрано очень точно. Пинский ввел в обиход новое ключевое понятие – «магистральный сюжет» – для обозначения сюжетного инварианта в шекспировских драмах. В его фундаментальной монографии «Шекспир. Основные начала драматургии» исследуется магистральный сюжет исторических хроник и трагедий; позднейшая работа, включенная в посмертно изданный сборник, посвящена магистральному сюжету комедий драматурга.

Магистральный сюжет понимается исследователем как «коренное, *субстанциональное* в фабуле, характерах, построении и т.д., что как бы стоит за отдельными произведениями некой целостностью, *проявляясь*, видоизменяясь в них – "явлениях", модификациях, вариациях жанра...»¹⁶ По сути, здесь имеется в виду сюжетный инвариант любого литературного жанра. Сопоставляя различные произведения с каждой из жанровых групп, Пинский выделяет отдельные жанровые разновидности и таким образом предлагает новый способ *жанрологического* подхода к шекспировскому литературному наследию.

Большой заслугой работ Пинского было сочетание синхронического и диахронического изучения. К примеру, описывая варианты магистрального сюжета исторических хроник и трагедий, он принимает также во внимание историческую эволюцию каждого из этих жанров в драматургии Шекспира. Таким образом ученый опирается на реальные связи между мотивами, сюжетами, отдельными пьесами и драматическими циклами.

Исследовательские поиски Пинского не ограничивались проблемами жанра. В его трудах шла также речь о художественном времени в драмах Шекспира, о соотношении ренессансного театра и средневековой истории, об образе Фальстафа, о *поэтической театральности* и пр. Он не оставил специальных работ о сонетах или о поэтической

¹⁶ Пинский Л. Магистральный сюжет. М., 1989. С. 51.

речи Шекспира, но в разных его трудах ощущается тонкое понимание поэтической условности мира, созданного великим драматургом¹⁷.

Понимание Пинским *театральности* представлено в лаконичной главе «Жизнь – театр», заключающей его главную книгу о Шекспире. Но в рассуждениях о природе театрального искусства он имел в виду исключительно театр эпохи Шекспира, воспринимаемый через посредство исторических и литературных источников. В отличие от А. Аникста или широко известного польского критика Яна Котта, Пинский не питал специального интереса к современному театру и новейшим сценическим интерпретациям Шекспира. Может быть, потому его труды продолжают оставаться популярными, главным образом, в узком кругу специалистов и студентов. Очень жаль, что эти труды до сих пор доступны лишь для русскоязычных читателей. Видный чешский шекспировед Зденек Стшибрны абсолютно прав, сожалея, что «Пинский остается неизвестным на Западе»¹⁸. Можно с сожалением констатировать, что вхождение идей Пинского в западный научный оборот явно задерживается.

Третья важная тенденция была представлена прежде всего Григорием Козинцевым. Знаменитый кинорежиссер и создатель ряда театральных спектаклей по шекспировским пьесам оставил также серьезнейшие исследования произведений великого драматурга. Его аналитический очерк о «Короле Лире», опубликованный в «Шекспировском сборнике. 1958»¹⁹, впечатлил многих литературоведов и театроведов своей глубиной и свежестью мысли. В 1962 г. увидела свет его книга «Наш современник Вильям Шекспир», переизданная впоследствии несколько раз. В 1966 г. была она издана в

¹⁷ В этой связи следует добавить, что название первой книги Пинского («Реализм эпохи Возрождения») было продиктовано требованиями издательства. В советском литературоведении и искусствознании того времени господствовала отживавшая свой век традиция идентифицировать всякое истинное искусство с *реализмом*.

¹⁸ *Stribrn, Zdenek. Shakespeare and Eastern Europe. Oxford, 2000. P. 98.*

¹⁹ Первый вариант этого очерка был напечатан в журнале «Театр» в 1941 г.

английском переводе на родине драматурга и в США²⁰. (Следует упомянуть, что вышедшая под таким же названием в английском переводе и во втором польском издании, ставшая знаменитой книга Яна Котта²¹ появилась в 1964 – 65 гг., т.е. двумя-тремя годами позднее книги Козинцева).

И по методу изучения, и по стилю книга Козинцева существенно отличается от привычной литературной эссеистики. В его работах мастерство стилиста сочеталось с превосходным знанием шекспироведческой классики и глубоким проникновением в шекспировские тексты. Опубликованная переписка Козинцева с Л.Е. Пинским дает дополнительное представление о широте познаний и глубине мысли режиссера. Находясь под воздействием исследования Пинского, он тем не менее шел к постижению Шекспира собственным путем.

Путь этот пролегал не только через *пристальное чтение* (close reading) шекспировских текстов и изучение многих трудов о них, но также через личный режиссерский опыт перенесения пьес драматурга на сцену и киноэкран. В результате такой комплексной работы родились и оригинальные труды Козинцева о Шекспире. Они могут быть квалифицированы как литературоведческие, поскольку основаны на обширном знании литературы и истории да к тому же содержат глубокий анализ изучаемых текстов. Это также и литературная критика, ибо творения Шекспира интерпретируются в свете социального опыта современного читателя и зрителя. Они соотносятся и с наукой о зрелищных искусствах, так как стимулируют множество ассоциаций со сценическим и кинематографическим воплощением шекспировских драм.

Упомянутая книга Козинцева, как и последующие его труды «Пространство трагедии» и «Глубокий экран», послужили своего рода мостом между новым, концептуаль-

²⁰ Kozintsev Grigori. Shakespeare: Time and Conscience. N.Y., 1966.

²¹ Первое издание книги Котта вышло под названием «Szkize o Szekspirze» (Очерки о Шекспире) в 1961 г. Второе появилось спустя четыре года: Kott Jan. Szekspir Wspolczesny. Warszawa, 1965. В английском переводе: Kott Jan. Shakespeare, Our Contemporary. N.Y., 1964.

ным шекспироведением, представленным работами того же Л. Пинского, и живой практикой театра и кинематографа. Значение его работ в этом аспекте еще недооценено в России, равно как и на Западе, где многие годы не замечалось восточноевропейское шекспироведение, за исключением разве что *нашумевшей* книги Котта.

Несмотря на частые сравнения между книгами Яна Котта и Козинцева, их подход к Шекспиру был абсолютно различным. Если польский критик интерпретировал шекспировские пьесы в свете эстетики театра абсурда, то Козинцев, по справедливому замечанию Зденека Стшибрны, «ощущал современность Шекспира не в его подобии театру абсурда, а в способности возбуждать нашу совесть, защищать человека от всех форм бесчеловечности, являть *истинное лицо добродетели и спеси* как отдельным людям, так и обществу в целом...»²²

Нет сомнений в том, что выделенными тремя тенденциями не исчерпывается все советское шекспироведение исследуемого периода, но они представляют его вершинные явления. Благодаря им, 1960 – 80-е гг. предстают пока – с позиций сегодняшнего дня – наиболее значительным и продуктивным периодом в развитии русского академического шекспироведения за все время его развития. Выделенный период был определяющим в процессе полного включения российской шекспирологии в мировую науку о Шекспире, стимулировал появление новых трудов о творчестве британского драматурга, свободных от остатков догматизма и основанных на лучших национальных и мировых традициях.

Говоря о советском шекспироведении, снова подчеркну, что 60 – 80-е гг. XX в. были и его заключительным периодом: в 1991 г. СССР перестал существовать. В 1990-е гг. развитие шекспироведения на постсоветском пространстве проходило в обстановке новой политической и экономической реальности. Не было больше государственной цензуры и ог-

²² *Stribrny Zdenek*. Op. cit. P. 106.

раничений в сфере книгоиздания, театра и кинематографии. Но, с другой стороны, была резко сокращена поддержка этих областей творчества со стороны государства, упали тиражи книг, сократилось число новых фильмов и спектаклей. Ежегодные шекспировские конференции перестали собираться, а «Шекспировские чтения» – издаваться.

При наличии многочисленных *препон* со стороны т.н. официальной идеологии и ее блюстителей в советское время, было у шекспироведения той поры одно реальное преимущество – его интернациональный и интеркультуральный характер. Оригинальные труды о Шекспире и театральные постановки появлялись не только в России, но и в Грузии, Армении, Украине, республиках Прибалтики; взаимодействуя, они оказывали положительное влияние друг на друга, что вело к взаимному культурному обогащению. К сожалению, все это было затем утрачено. Новая ситуация создала такой идеологический климат, при котором открылся широкий простор для всякого рода дилетантских спекуляции в шекспироведении²³ и подыгрывании не слишком изысканному вкусу части зрителей с театральных подмостков.

Тем не менее, лучшие достижения шекспироведения 1960 – 1980-х гг. наверняка послужат начинающим и грядущим исследователям творчества Шекспира своеобразным компасом, приглашая не только приобщиться к достойной научной традиции, но и развивать ее далее. Отдельные признаки этого приобщения уже обозначились в отечественном шекспироведении, но время для их обсуждения, по-видимому, еще не наступило.

²³ Примером могут служить хлынувшие, как из рога изобилия, не слишком грамотные книги и статьи о проблеме авторства. См., напр.: *Гиллов И.* Игра об Уильяме Шекспире, или тайна великого Феникса. М., 1997. Об этой книге см.: *Балашов Н.И.* Слово в защиту авторства Шекспира. (Академические тетради, вып. 5). М., 1998. *Горфункель А.Х.* Игра без правил // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 355 – 383; *Соколянский М.Г.* Перечитывая Шекспира. Одесса, 2000. С. 117 – 137.